

***"Помните! Через века, через года – помните!
О тех, кто уже не придет никогда, помните..."***

Р. Рождественский

Никогда не исчезнет из памяти народной гордость за великую Победу, память о страшной цене, которую мы за нее заплатили.

В альманахах вошли произведения авторов Сысертского района, ныне живущих и уже умерших. Их творчество объединила тема Великой Отечественной войны, ее героические и трагические годы.

Аземша Александр Андреевич

Родился в 1911 году в Белоруссии – с. Мокров Брестской области в семье сельского учителя. В 1939 г. после окончания Брянского лесного института был направлен на работу в г. Сысерть Свердловской области. В ноябре 1941 г. был мобилизован и направлен в пехотное училище, где получил специальность минометчика.

Участвовал во многих боях: на Правобережной Украине, в Молдавии, Румынии. Получив тяжелое ранение, полгода лечился в госпитале.

А.А. Аземша награжден орденами: «Александра Невского», «Отечественной войны» I степени, «Красной Звезды».

После войны работал завучем в детском доме. С 1954 года после преобразования в г. Сысерти детского дома в профтехучилище работал директором этого училища. С 1968 года – пенсионер, инвалид войны.

Его очерки и рассказы выходили в различных изданиях. Были изданы 3 книги: «Друзья – охотники» – 1958 г., «Последняя высота» – 1968 г., «Твой характер» – 1970 г. В последние годы жизни увлекался сатирической поэзией. Умер в июле 2003.

Стихи, опубликованные в районной газете «Маяк» в 1994-1995 годах.

Память

Мы не выпрашивали льготы –
Хоть к черту в зубы, хоть в пехоту,
В Карпатах, на крутых высотах
Следы моей стрелковой роты.
Косила смерть. Редела рота.
Ложился ротный к пулемету,
Хрипел он, надрывая глотку:
«Возьмем проклятую высоту!»...

И к пулемету – мат в придачу –
Нельзя высотку взять иначе...
Таким он был в глазах солдат
Товарищ старший лейтенант.

Таким тогда я был в бою.
С трудом себя я узнаю,
Дивлюсь примерам силы духа
Для тех, кто пороха не нюхал,
Нас воспитали так с рожденья:
В нас – революции свершенья
И у народа впереди –
Впередсмотрящие вожди.
Мы с детства знали: наша сила –
Герой товарищ Ворошилов,
И виделся в дыму, в огне
Семен Буденный на коне.
Нужна была слепая вера
И сила личного примера.

Судьба... Известно всем какая
И без шарманки с попугаем –
Был неминуемым и грозным
Миг встречи с пулей судьбоносной.
Не позавидуйте обидной
Печальной доле инвалидной.
...В музее полковое знамя,
А раны остаются с нами.

Кто виноват?

Он в сорок первом стал солдатом,
Домой вернулся в сорок пятом.
Солдату дали за Варшаву
Два костыля и орден Славы.

Отпраздновал геройский дед
Почти полсотни Дней Побед,
И вовсе не его вина.
Что не окончена война:

Еще лежат на поле брани
Его друзья-однополчане,
Не все герои спят в могилах –
Могил героям не хватило.
Так чья же все-таки вина,
Что не окончена война?

Мой долг

Вперед за Родину, за Ста...
Не помню больше ни черта.
Последний крик, последний шаг
Жила солдатская душа.

Куда попал? Ищу ответа.
Ни боли нет, ни жажды нету –
Солдату выпал мир иной
И вечный, стало быть покой.

И вдруг... Опять сиянье дня,
Корежит боль, знобит меня,
Цветок неяркий полевой
Колышется над головой.

Витает смерть над полем боя
И машет ржавою косою.
Я от нее не жду пощады,
Что умирающему надо?

Прошу за ратные труды
Всего один глоток воды.
И... чудо! В воспаленный рот
Вода холодная течет...

Не сон, не бред, не наваждение –
Проворных рук прикосновение.
– Откуда? – спрашиваю. – Кто ты?
– Я Маша. Маша из санроты.

Я помню, кроме этих слов,
Лишь руки в белизне бинтов.

.....
Пришла непрошенная старость,
Итоги подвести осталось.
Горжусь, не жил за счет других,
Всем отдавал свои долги:

Наивысший долг – своей стране,
Долги – соседям и родне.
И только долг сестрице Маше
Остался мною не погашен.

Лжегерой

Как алюминиевая крыша,
Блестит пиджак на дяде Мише

Должно быть, ордена, медали
За подвиги герою дали.

Нет, Михаил не брал рейхстага –
В ту пору Миша был салагой.
Пиджак у пьяного соседа
Он одолжил на день Победы.

Пехота

...Ударил грозный бог войны
И доты вражки сметены.
Дрожит земля от артналета,
Но... нет победы без пехоты.

...Летят прославленные «ИЛы»,
Несут снаряды страшной силы.
Успехов, славные пилоты!
Но... нет победы без пехоты.

...Утюжат танки, пушки бьют,
Фашисты в панике бегут,
Идет геройская работа,
Но... нет победы без пехоты.

Вопрос не в том, поверьте мне,
Кто всех важнее на войне.
Случилось так, что для меня
Пехота – близкая родня.

Моя судьба, моя пехота
Стрелковая седьмая рота,
Мой первый бой, мое крещение
В сражение местного значенья.

Зима в окопах. Дни, недели...
Морозом скованы шинели,
Угрюмые мужские лица
Под цвет подзолистой землицы...

Приходит в роты пополнение –
Готовят наши наступление.
Все впереди – твое, пехота:
Деревни, села и высоты.

Иди, солдат, дорогой длинной,
Не спотыкайся, до Берлина...
Легко сказать! Не дайте деду
Соврать про легкую победу.

Лишь за один победный шаг
Цена – солдатская душа...
Ни трусом не был, ни бесстрашным,
Доволен был солдатской кашей.

И мне, как многим, перепало
Чуток немецкого металла.
И коль не так я сделал что-то,
Прости меня, седьмая рота.

Мати-Украина

Освободителя, как сына,
Встречала мати-Украина.
Следы от благодарных слез
Солдат на гимнастерке нес.
Здесь только горем и водицей
Могли с солдатом поделиться:
Как оккупанты дочку, сына
Угнали в рабство на чужбину,
Комендатуры, полицаи
Давно очистили сараи
И для забавы, просто так,
Перестреляли всех собак.

...Дымили свежие руины,
горели села Украины...
Прости нас, Украина-мать,
Не все смогли мы отстоять.
Как чистая вода в криницах,
Пусть память добрая хранится,
Пусть в памяти, как долгожитель
Живет солдат-освободитель.
Я знаю, что из-под колоды
Шипит змеиная порода:
«Москаль опять сюда придет
И свой порядок наведет».
Придет москаль из-за границы,
Чтобы могилам поклониться,
А в них – хохлы и москали
За Украину полегли.
Не для непомнящих Иванов
Наказ Хмельницкого Богдана,
Что Украина и Россия
Со дней рождения – родные.
Мы будем жить в семье единой
С тобою, Мати-Украина!

Минное поле

До войны у меня была очень мирная профессия, именно она забросила меня на Урал после окончания Брянского лесного института. Работал я в Сысертском райлесхозе.

В 1941 году, когда началась война, Сысертский военкомат направил меня в Черкасское пехотное училище, которое в ту пору было в Свердловске.

На фронте прошел путь от Днепра до Венгрии. Командовал стрелковым взводом, ротой. В Трансильвании был тяжело ранен. Из госпиталя меня списали на инвалидность незадолго до окончания войны.

Как бы ни было, считаю себя счастливым человеком: в пехоте я прожил довольно долгую фронтовую жизнь, хотя до смерти бывало «не четыре шага», как поется в известной песне, а около миллиметра. Я счастлив потому, что дожил до Победы, о чем мечтал каждый фронтовик.

В 1968 году в Средне-Уральском книжном издательстве вышла моя небольшая книга о войне «Последняя высота». Книга была задумана как документальное произведение – автор взял на себя ответственность писать только правду.

Крепко пострадала и моя «Последняя высота». Рукопись сокращалась за счет правдиво описанных событий сурового времени. Не секрет, что горькую правду тех лет могли донести до читателя лишь известные, маститые писатели, и то не всегда.

В главе «Тыргу Фрумос» мною была описана трагедия на минном поле, «забытом» нашими предшественниками, которых мы сменили в ходе спешной перегруппировки, перед наступлением наших войск.

Когда рука редактора повисла над этим леденящим душу эпизодом, я возмутился и решил постоять за святую окопную правду, пошел на прием к главному редактору.

Главный меня оглушил категоричностью суждений, поучительным тоном, не терпящим возражений. Чувствовалось, что я был далеко не первым, на ком главный редактор оттачивал свои аргументы.

– Надо уметь отбирать факты, – вразумлял меня главный. – Вот вы пишете в своей рукописи о минном поле... О нашем минном поле. Какие эмоции может вызвать подобное описание? В конце концов, если уж вы так хотите оставить в рукописи это минное поле, так пусть оно будет не советским, а... румынским.

Описание трагедии на минном поле все же осталось в книге. Если внимательно читать, то можно разобраться в его происхождении:

«...На открытом месте, у изгиба пустой траншеи, я увидел коренастую фигуру капитана Климова. Он сильной рукой энергично махнул в сторону противника:

– Не задерживайся, Андреев. Порядок наведешь в движении. Броском вперед!

Приказание категорическое. Я знал, что потеря времени в такой обстановке может стать роковой. Повторив приказание комбата, я перемахнул через траншею.

– Вперед!

Над горами все еще висело ржавое облако пыли. Обработка переднего края продолжалась. Противник отвечал вяло. Его огонь был неорганизованным.

Командиры первого и второго взводов бросились вперед, увлекая за собой бойцов. Третий взвод все еще плутал в развалинах. Но ожидать было некогда.

Какие-то непривычные для слуха взрывы вплелись в симфонию боя. Кто-то крикнул:

– Мины!

Под ногами бегущих взрывались противопехотные мины. Минное поле. Бежавшие позади скупивались, топтались на месте, натывались на новые сюрпризы. В доли минуты нужно было принять решение. Топтание на месте или возвращение обратно привели бы к новым жертвам, возможно, к срыву боевой задачи. Только вперед, через минное поле.

И я бросился вперед. Это нужно было сделать обязательно, чтобы ускорить движение и увлечь за собой колеблющихся».

Так была описана в книге трагедия на минном поле, на котором подорвались семнадцать наших боевых товарищей.

Шел бой в ходе сражения, известного в истории Великой Отечественной войны как операция по ликвидации Яско-Кишиневской группировки противника.

Всякое бывало в моей военной судьбе. Но это минное поле я не забуду до конца своих дней.

// Маяк. – 1990. – 8 мая.

Корешков Константин Александрович

Родился в 1913 году в Вологодской области. С 10 лет остался без родителей. Беспризорничал.

В 1930 году окончил школу крестьянской молодежи. Работал учителем в школе. В 1939 году был призван в армию. Воевал. Закончил военную службу в марте 1947 года. До 1959 года занимался педагогической деятельностью, затем работал начальником отдела кадров на мебельной фабрике в г. Сысерти. С 1973 года вышел на пенсию.

С детства пишет стихи. Одна из ведущих тем его стихов – война и мирная жизнь, в последние годы все чаще – сатирические миниатюры, сценки, жизненные зарисовки. Умер в 2000 г.

Березы

Зеленой листвою вновь
покрылись березы
И шепчут о чем-то,
склонясь над рекой,
Они мне напомнили юности грезы,
И вновь мое сердце сдавило тоской.

Березы, березы, ах, если б вы знали,
Как грустно, что наши
мечты не сбылись!
Под белой березой мы с милой стояли,
Под ней в нерушимой
любви поклялись.

Запомнилась наша последняя встреча,
Как счастьем горели любимой глаза!
Расстались в четыре часа на рассвете,
А над страной уж гремела гроза...

Война разбросала родных и любимых,
Как щепочки в море
на гребнях волны...

Я в битвах за счастье дошел
до Берлина.
А счастье сгорело в пучине войны.

Травой поросли партизанские тропы,
Отраднo вздохнула родная земля.
Безвестно погибла в застенках гестапо
Любовь моя, счастье и радость моя!

А я возвратился живой, невредимый,
Знакомой тропинкой иду за село,
Как будто надеюсь на встречу
с любимой,
И первой любви ощущаю тепло.

Да только вернуть ее в мире
нет власти,
Верхушку березы снес шквал огневой.
Осталась, как память
о сгубленном счастье
Калека – береза с поникшей листвою.
1992 г. Сысерть

Мать-отчизна родная, я верю
В исполинскую силу твою
Знаю, шею фашистскому зверю
Ты свернешь в этом грозном бою.

Но как много еще испытаний,
Сколько крови и слез впереди!
Сколько мук и безмерных страданий,
Сколько жизней еще отдадим!

Сколько братских могил отроем
Средь твоих необъятных полей
И навеки землю прикроем
Самых лучших твоих сыновей!

Мать-отчизна родная, я верю
В исполинскую силу твою
Знаю, шею фашистскому зверю
Мы свернем в этом грозном бою.
Октябрь 1941 г. Москва, Новогиреево

Фронтальная сестра

Я спешил с приказанием
Командира отряда.
Вдруг, снаряд разорвался
Позади где-то рядом.

И воздушной волною
Меня бросило оземь
На проталине поля
В изумрудную озимь.

Не пойму сам я толком
От нервозности что ли? –
Пораженный осколком
Я не чувствовал боли.

Снова землю потрянуло.
В голове закружилось.
И в глазах потемнело,
Будто все провалилось.

Но очнулся и снова
Слышу грома раскаты.
Распаленные боем
Пробегают солдаты.

Поднимаясь в атаку
Побросали шинели.
Содрогается воздух,
Брызжет ливень шрапнели.

Я хочу приподняться,
Но какая-то сила.
Опрокинула навзничь
И к земле придавила.

Вдруг, среди адского гула
Не утихшего боя
Слышу ласковый голос:
«Что солдатик с тобою?».

И тревожное вижу
Лицо юной девчонки
Русый выбился локон
Из солдатской шапчонки.

А глаза голубые.
Взгляд их ласковый милый.

И едва ль ей от роду
Восемнадцать лет было.

Не вчера ль еще в школе
Щеголяла в косичках?
А теперь боевая,
Фронтальная сестричка!

Обработала рану,
Наложила повязку
До сих пор ощущаю
Нежных рук ее ласку...

Помогла приподняться,
Ободряла, как брата.
Только с ней не смогли мы
Доползти до санбата...

Злая пуля шальная
Песню смерти пропела
Даже вскрикнуть сестричка
Не смогла, не успела.

Побледнела и сникла,
Как былиночка в поле...
У меня, как увидел,
Сердце сжалось от боли...

Я смотрел и не верил
Думал, скоро очнется
И невинной улыбкой
Снова мне улыбается.

Никогда не забыть мне
Этой девушки милой.
В синем небе глядела
Она взглядом застылым.

Удивляясь чему-то
Чуть приподняла брови.
На виске застывала
Струйка слипшейся крови.

Сколько дней пролетело,
А мне все еще снится
В мятой серой шинели
Фронтальная сестрица.

Чуть забудусь и снова
Слышу грома раскаты,
Распаленные боем
Пробегают солдаты.

Поднимаясь в атаку,
Покидали шинели,
Содрогается воздух
Брызжет ливень шрапнели.

И средь этого ада
Будто снова живая
Перевязывает рану
Мне сестра фронтовая.
Июнь 1942г. г. Тюмень в/госп. 2475

Не могу без злости и печати
Без душевной боли говорить.
Ну, какого ж черта мы кричали,
Что врага не трудно победить?

И зачем годами нам внушали,
Что сильнее всех страна моя!
А о вражьей силе не сказали
Откровенно, честно, не тая?

И выходит, верили мы даром,
Что на первый вражеский удар
Первым сокрушительным ударом
Мы погасим мировой пожар.

Что не будет на нашем поле чистом
Злой, опустошительной войны
И что будем мы громить фашистов
За пределами родной страны.

А теперь... подумать сердцу больно
Не вмещает мысли голова:
Под угрозой вражеской Смольный:
И столица Родины – Москва!

И кому из нас душевной муки
Эта злая мысль не принесла?
Да, друзья, жестокий курс науки
Нам эта война преподнесла.

Мы науки этой не забудем,
Мы у нашей Родины в долгу.
Только злее и упорней будем
Наносить удары по врагу.
Октябрь 1941, Москва, Новогиреево

Самолеты, танки и корабли,
Их подлодки в наши воды вошли

Нагло, бодро шел немецкий солдат,
Как захватчик – в перевес автомат.

А за ним – вся в ранах наша земля
На корню, сожженный хлеб на полях

Но во весь свой рост поднялся Иван:
– Землю русскую в обиду не дам!

Старший, младший сын,
и внук рядом встал
Испугался враг тогда, задрожал.

Бой был страшный, не на жизнь,
а на смерть.
Аж земная содрогалась твердь.

От пожарищ небо стало черно,
Но земля одна, другой – не дано.

Разве можно наш народ победить?
Тот, который так умеет любить?

Что на танки смело грудью идет?
Что под пытками не стонет – поет?

Побежали всею бандой назад,
А Иван, еще пинка им под зад

Не повадно было, чтобы им впредь
На добро чужое даже смотреть.

Мир хотели мы на века.
Потому и меч опущен в руках,

Жизнь- дите прильнуло к плечу
Пусть не знают дети войн. Я хочу!

Было это, дети в том столетье,
В грозные военные года.
Каждый был за Родину в ответе –
Родина им - матерью была.

Стар и млад в ее защиту встали,
Не жалея рук своих и сил
А сердца их – тверже кремня стали,
Хотя каждый третий школьник был.

Не сломила их чужая воля,
Мощь машин не напустила страх
Тяжела была их, дети, доля,
Но любовь несли они в сердцах

К Родине, к своей родной сторонке,
К белой той березке у ворот.
Письма от Иванушки к Аленке
Полевая почта все несет.

Очевидно! Нет, не взять России
Нас всегда ведут сквозь боль и кровь
Синие глаза Анастасии,
Вера, и Надежда, и Любовь.

Отец мой всю войну прошел,
в концлагере сидел.
Он раньше срока поседел,
но до конца дошел
И был в дивизии он той,
что заняла Берлин,
И знамя с гордостью он нес,
и был он не один.

Егоров и Кантария взобрались
На рейхстаг,
Чтоб над немецким логовом
затрепетал наш стяг.
Он ранен был, контужен был
в боях за Сталинград,
Его медали бережно в семье
у нас хранят.

В тот майский, солнечный денек
ему занемоглось:
Осколок, что в груди сидел,
его извлечь пришлось.
Сирена «Скорой», в клочья – ночь!
Бойца спасти! – приказ.
Наркоз и скальпель, пот ручьем –
борьба который час.

**Гусева
Надежда Никифоровна**

Родилась в Брянской области на хуторе Быстрый в 1932 г. В Арамиле приехала в 1969 г. по рекомендации техникума с дипломом экономиста. С должности экономиста и ушла на пенсию. Имеет четверых детей, десять внуков и одну правнучку. Пишет с детских лет. Автор 4-х книг: «Верность», «Стихи», «Старина», «У истока».

Баллада о памятнике

На пригорок выбежали вдруг
Девчонок буйный хоровод.
Памятник стоит - солдатом круг,
Звездой сверкая в небосвод.

Вечный огонь горит во славу
Героям павшим за страну.
Солдаты в бронзе там по праву,
Будто живые наяву.

1

Однажды у подножья было:
Уныло матери стоят,
Стоят они совсем седые,
Немые, плачущие в лад.

Поближе подошла сначала,
Худая, маленькая мать,
Вдруг имя сына прочитала
И горько начала рыдать.

Она рыдала безутешно,
Горе их не может лгать...
"Ох, сколько лет я безуспешно

Продолжала тебя искать?.."

Но тут старушка распрямилась,
Перестала слезы лить,
К солдату в бронзе обратилась
И тихо стала говорить:

"Сыночек мой, ты же безгрешный,
В душе моей ты будешь жить.
В войне ты принял ад кромешный,
Героем вечным тебе быть.

За землю матушку Россию
Сложил ты голову свою!
Теперь нашла твою могилу,
Я расскажу про жизнь свою.

За то, что храбрым был солдатом,
За то хвалю, тебя сынок!
Да, озорным ты был когда-то,
В детстве парень - пострелок.

И что бывало, уж как помню,
Ты в детстве слушался меня.
Из-за меня с отцом ты спорил
И заступался за меня.

Теперь, сынок, я одинока,
Давно уж спит в земле сырой,
Отец убит был на востоке,
Японцами, касатик мой.

Ох трудно мне, под час, порою
Так жить одной, без вас, как есть,
Не лучше ль было бы, не скрою,
Вам жить, а мне бы умереть..."

Но вдруг солдаты содрогнулись,
Из круга вышел к ней один,
Все остальные отвернулись,
Ей поклонившись, как один;

Солдат из бронзы, из железа,
Казался ей совсем живым.
Казался ей её Серёжа
Суровым строгим, но родным.

"Спасибо, мама, что пришла!
А то я каждый день всё ждал,
Ждал, когда придёт весна,
Ждал тебя, всё ждал и ждал":

"О, Боже! О, сыночек мой
Я же изъездила весь свет.
Всё искала я, а ты живой,
Ты же не умер, правда, нет?.."

Да, мама, я живой стою,
Я в бронзе вылитый теперь,
Рассвет с закатом берегу,
Уж ты мне всё это поверь.

Убили тело лишь моё,
А душу нет, нельзя убить.
На бронзе имя здесь моё,
Так значит здесь я должен быть.

И все товарищи мои,
Они все так же, как и я,
Дрались насмерть за двоих,
Они же все мои друзья".

Мать поклонилась в пояс им
За подвиги прошедших дней,
За смелость и за храбрость их,
Цветы возложила ко всем.

В знак благодарности они
Все поклонились также ей...

И застыл здесь облик их
В своем молчании совсем.

А сын с матерью опять
Остался дальше говорить,
Он хочет больше всё узнать,
Как матери пришлось прожить.

Мать, покорная велению
Силы внутренней души,
Глядит на сына, к изумлению,
Пред нею он живой стоит.

Вот дотронулся рукою
Седых волос её, потом
Неторопливо, убежденно
С ней заводит разговор.

"Теперь печалиться не надо,
Дорогая моя, мать,
Защищать нам было надо,
За землю русскую стоять.

И ты, родная, успокойся,
Не один же я такой,
За меня больше не бойся,
Я стерегу теперь покой.

Прощай, мама, дорогая!..
И скрылся он в солдатский круг.
А она бледная, седая,
Как ото сна очнулась вдруг

Отрывок из повести «Верность»

Опустившись на колени у березы, бывший солдат Иван Осипов, живо, с острой болью в сердце, вспомнил картину его последнего боя. Тогда этот ручеек был рекой и довольно-таки широкой. Растительность, заросли кустов и деревьев вокруг, да и сам овраг не казался тогда таким глубоким. Он очень выгодно прикрывал наши позиции от фашистов, которые расположились на косогоре, где высится ныне памятник павшим защитникам.

В его распоряжении была связь. Только что наладил её и получил приказание от комбата: уточнить положение у соседнего полка, занявшего позицию слева от станции, как позвали его в санбат. Там его фронтовая жена рожала и просила его. Слишком тяжело переносила роды – захотелось ей взглянуть на него, своего любимого...

Шёл бой.

Атаку за атакой отбивали наши стрелки. От полка осталась половина. Семь дней бьются, а косогор взять не могут. На высоте засел вражеский пулемёт. А тут ещё их "мессеры" поливают бомбами. Всю землю превратили в воронки.

Полк получил передышку, фашисты что-то затевали новое. Вдруг комбат обратился к солдатам, попросил выйти добровольцев.

– Дорогие мои, товарищи, бойцы! Вы видите, как нам тяжело. Приказ: взять косогор. Кто сможет подползти и взорвать этот пулемёт?

Первым вышел Осипов Иван – командир связного взвода. Его кандидатуру сразу отверг командир батальона Тополев, но Осипов не унимался:

– Товарищ комбат, разрешите мне, у меня жена только что родила сына, я должен им жизнь обеспечить. Командир батальона уловил последнюю фразу Осипова, помрачнел.

– Сына, говоришь, вот дела! Война, а тут новый житель нашей страны появился. Ну что ж, пусть будет по-твоему. Обеспечивай им жизнь!..

Комвзвода Осипов, получив разрешение идти на опасное задание, последний раз взглянул на березку, у которой под палаткой размещался санитарный батальон...

Он должен уничтожить пулемёт на высоте. Надев защитный комбинезон, на голову водрузив что-то вроде куста, связку гранат, личное оружие – автомат, он медленно пополз краем оврага в обход к высоте, чтобы зайти с тыла. На КП наблюдали за ним. Немцы пока не обнаружили его. Всё шло, как задумано. Тишина стояла на обеих позициях. Но, чтобы отвлечь внимание, комбат приказал делать вид, будто готовятся к атаке. И он не ошибся, на позицию, словно град, посыпались пули из пулемёта:

– Та-та-та-та

– Та-та-та-та – раздалось эхо в долине оврага.

Прошло более получаса, Осипов всё ещё полз. За ним следили, не отрывая глаз от бинокля, командир батальона и несколько офицеров. Прошло ещё немного времени, Осипов почти у цели, но он поторопился и швырнул гранату. Она разорвалась, но цель была не достигнута. Осипов подполз ещё ближе и снова бросил гранату, на этот раз попал в цель – пулемёт взметнулся в воздух. Только Осипову показалось, что этого мало он снова сделал несколько движений вперед, подполз ближе, и тут раздался оглушительный взрыв, после которого память его оборвалась. Напоролся на мину.

Высота была взята, немцы стремительно отступали на запад. Наши войска преследовали их дальше...

Косилова Тамара Ивановна

Родилась в мае 1941 года в поселке Сараны Пермской области. Родители в 1930 году были раскулачены и высланы из Омской области в Пермскую, на строительство шахты «Сарановская – рудная». Отец умер 17 июня 1942 года, вернувшись из ГУЛАГа. Родители были посмертно реабилитированы, как жертвы незаконных политических репрессий.

В 1961 году окончила Кунгурское педагогическое училище. Переехала в Сысерть, где проработала с 1963 по 1972 годы учителем в школе имени Тимирязева. После тяжелой болезни была вынуждена оставить любимую работу. С 1 января 1972 года является инвалидом I группы.

Последние годы принимает участие в работе Сысертской районной организации инвалидов, является членом Всемирной организации «Гражданин мира», где ведет переписку с инвалидами различных регионов страны.

Участвует в районных и областных фестивалях творчества инвалидов. Пишет заметки в газеты «Маяк», «Голос надежды».

Раздумье

Не довелось мне воевать.
Не фронтовые ноют раны,
Хочу всем сердцем пожелать:
– Живите долго, ветераны!

Я помню детство, опаленное войной
Я помню холод. Голод нестерпимый
Совсем темно, так страшно мне одной!
И как всегда, нет мамочки любимой.

Была я очень маленькой тогда
И многого совсем не понимала
А мамочка работала всегда –
Ни днем, ни ночью, отдыха не знала.

На шахте мама каталом была,
Дрова рубила, варежки вязала...
Не покладая рук, в тылу врага,
Своим трудом победу приближала.

Отца не помню, рано потеряла.
Мне минул год – его уже не стало,
И мама, как все женщины тогда,
Одна нас всех достойно воспитала.

Она изящной, хрупкою была,
Болела, но невзгоды выносила.
После войны дивилась и сама:
«Откуда появлялась эта сила?»

С тех пор прошло немало мирных лет,
И мамы уж давно на свете нет...
Я перед памятью ее святой
Стою с склоненной низко головой...

Чудесно песни мирные поют
Детишки, войн пожарища не знавших,
С благоговеньем всех благодарю
Россию в битвах грозных отстоявших.

Здоровье, счастье пусть
в их дом войдут,
Любовь и радость сердце согревают.
Пусть внуки, правнуки
покой их берегут
И войн планета наша пусть не знает.

Сегодня, с юбилеем поздравляя,
Даю я вам, друзья, такой наказ:
– Жить очень долго – долго, не хворая,
Пусть будет лучезарный каждый час!

В шестидесятилетие Победы славной
Пусть каждый примет, памятные вам,
Те фронтовые, боевые, трудовые –
Дань памяти погибшим – по сто грамм.

Красноперова Клара Ефимовна

Родилась в 1931 г. После окончания Казанского государственного медицинского института поступила в клиническую ординатуру, кандидат медицинских наук. Доцент кафедры педиатрии Казанского государственного медицинского института. С 1975 г. работала врачом детской клиники.

Написала 60 научных работ. Всю жизнь занималась физкультурой, спортом (рекордсменка республики по прыжкам в высоту). В течение 26 лет занималась «моржеванием». Очень любит природу и животных.

В 1999 г. семья переехала в п. Двуреченск, где Клара Ефимовна продолжает вести активную общественную деятельность.

Писать песни, стихи начала в 1993 г., будучи на пенсии. Тематика разнообразная. Лейтмотив произведений: вера в победу разума, доброты.

Война всенародная

Я отчетливо помню летнее утро,
День, когда грянула война.

Голос диктора по радио:

Началась война, началась война...

Припев:

22 июня

Война началась всенародная

За свободу свою, Отчизны родной,

Право наше законное.

Жестоко фашисты страну терзали,

Людей угоняли в рабство.

Надежды на жизнь лишали, –

Их усилия были напрасны...

Припев.

В едином строю отважно сражался
От Бреста до окраин страны
Народ сплоченный, - братство,
Бил врага беспощадно и победил!

Припев.

Была та война для нас Великой,
Священной, народной она была:
Вернули честь – славу Отчизны
Во имя свободы жизни в веках!

Припев.

Солдатский треугольник

Письмо-треугольник с весточкой доброй
С фронта летит в родные края:
Любимые, жив, бью врага как положено,
Чтоб только жизнь свободной была.

Припев:

Сила моя в вере в Победу!

Сила моя в вере в нашу любовь.

Вы моя опора и надежда

За вас в бой иду я вновь и вновь...

Птицей летит треугольник солдата
К единственной матушке своей:
Мама, родная, жди с Победой,
Только, пожалуйста, не болей.

Припев.

Дорогую весть треугольник к дому
На крыльях радость жене несет:
Люблю больше прежнего, скоро буду,
Враги не дождутся детей-сирот.

Припев.

Дорогие ветераны

С годами не меркнет слава времен,
Вновь добывших Победу и жизнь.
Народ наш с красивой, доброй душой
Веками умел он мир ценить.

Припев:

Дорогие ветераны

Вы совесть и честь страны!

Желаем здоровья на долгие годы, –

Вы отдали все для жизни весны...

Бесконечная, днем и ночью война
С врагом, что на жизнь посягнул.
Вера в Победу в сердцах жила:
Разгромить фашистскую гидру в бою.
Прпев.

В памяти наших героев – солдат,
Живущих скромно среди нас,
Осталась боль утраты одна:
Не вернуть ушедших друзей назад.
Прпев.

Марш Победы

Великий праздник день Победы
В народной памяти всегда живет...
Ведь в этот славный день весенний
Был побежден фашистский сброд.

Прпев:
Мы потому и победили
Что был единый, могучий сплав
Любви и верности Отчизне
В своих поступках, во всех делах!

Неотделимы для народа
Любовь и преданность родных краям, –
Ведь лучшие сыны Отчизны
Отдали жизнь в войне не зря...
Прпев.

На фронте и в тылу сражались
Сыны и дочери страны моей,
Чтоб жизнь народа, поколений
Была свободной, все красивой...
Прпев.

Мы свято верили в Победу, –
Победу разума, души,
В осуществленную надежду
Быть вновь хозяином родиной земли...
Прпев.

Не нужна народу война

Простые люди живут на земле
Трудятся, влюбляются,
Обожают природу, детей,
Жизнью наслаждаются.

Прпев:
Не нужна народу война.
Желает он в мире жить.
Природа и люди едины всегда:
Нам нечего делить!

Вдруг смерчем война налетает, грома,
Жестокая, коварная.
Людей, природу терзая,
Стирает до основания...
Прпев.

Негодует народ простой
Почему война затевается?
Ведь рушится мир, покой,
Все в природе извращается...
Прпев.

Муки живого в бойне-войне,
Бездушные смерча гидры-врага.
Искореним на земле фашизм.
Утверди на Планете достойную жизнь!
Прпев.

Лобов Анатолий Николаевич

Родился в 1929 году в Курганской области. В 1954 г. Закончил СГПИ по специальности «физик-математик». Свыше 40 лет проработал в учебных заведениях г. Свердловска и Сысерти, из них четверть века был завучем и директором.

О себе говорит: «Всю сознательную жизнь занимаю активную жизненную позицию. Веду здоровый образ жизни. Мастер спорта по спортивной гимнастике, участвую в спортивных мероприятиях города».

Священная победа

Взрываются бомбы, грохочут снаряды,
И пули шальные летят,
Прижались к землице родные солдаты,
И смерти в глазницы глядят.

В холодные дни и морозные ночи,
Промёрзли в окопах бойцы до костей,
И видятся в дрёме любимые очи,
Родные солдата ждут добрых вестей.

Солдаты союза все кровные братья,
В боях под Москвой полегли,
Сражались панфиловцы - наши
собратья,
Столицу свою сберегли.

Крепки оказались духом славяне,
Сплотили в борьбе все народы страны,
И насмерть стояли в борьбе россияне,
Присяге и клятве верны.

Дружбу навеки кровью скрепили,
В жестокой войне до Берлина дошли,
Егоров, Кантария, флаг водрузили,
К священной победе народы пришли

Салют, победа!

Победу чествуют народы,
Повсюду праздничный салют,
Всем, кто приблизил час свободы,
Дань уваженья отдают.

Какой ценой далась Победа?
Земля вздувалась от могил,
Кто вдовье горюшко изведаль?
Кто столь детей осиротил?

Солдаты, русские солдаты,
Вас столько полегло в бою...
Солдаты, русские солдаты
Не запятнали честь свою!

Вы сокрушали вражьи дзоты,
Когда стоял смертельный ад,
И, накрывая пулеметы,
Шагал в бессмертие солдат.

К Победе шли четыре года,
Под грохот бомб, разрывы мин,
Во славу русского народа
Повержен вражеский Берлин.

Победа лица озарила,
Ликуют люди все кругом,
И радость в воздухе кружила,
Гремел салют - Победы гром!

Старики, старики

Отгремела война в наши детские годы,
На подставках подростки стоят у станков,
Не согнулись, мы люди

Советской породы,
Разгромили в боях озверевших врагов.

Не протянем мы руку для подаяния,
Мы достойную жизнь заслужили трудом,

От властей и чиновников
ждем покаяния,
И пора ворошить олигархов содом.

Перестройщики нам обещали
счастливую старость,
До маэрзма упился
наш Ельцин в Кремле,
Олигархам раздал он
богатства на радость,
Беднота лишь осталась
на нашей земле.

Знаем тяжкую жизнь не по слухам,
По ушедшим годам не грустим,
Старики, старики, собирайтесь духом,
Образ жизни здоровой вести.

Перед нами открыты
родные просторы,
За здоровьем мы все
отправляемся в путь,
Кто бегом, кто ходьбой
миновал косогоры,
Победив все болезни
и бодрость вернуть.

Баллада о комбате

Ракета местность осветила.
Поднялся в полный рост комбат,
Бойцов всех ярость охватила,
Шел в рукопашный бой штрафбат

И шли вперед, врагов сметая
Гремит, горит кругом земля,
За ними наша Русь святая,
И стены древнего Кремля.

Прорвали вражью оборону
На амбразуру лег солдат,
И миновали мертву зону,
Погиб их боевой комбат.

На немцев грянула лавина,
Свинцовый шквал косил солдат,
В живых осталась половина,
И то, израненных ребят.

Солдаты насмерть шли без страха,
И дрогнул в схватке подлый враг,
Не миновали немцы краха,
Их трупы сбросили в овраг...

Пять лет, комбат сидел в ГУЛАГе,
За провокаторский донос,
Работал в лагере на драге,
Там честь с достоинством пронес.

Он богатырски, крепко сложен,
Добро и силу излучал.
Всем слабым он всегда поможет,
За что признание получал.

Пред властью был он не порочен,
И честно Родине служил,
А в этой яростной атаке,
Он буйну голову сложил.

Могилу вырыли на горке,
Комбат застыл в смертельном сне,
И грянул залп в вечерней зорьке,
Он погребен в сырой земле.

Солдаты, что живы остались,
Склонили головы свои,
И отомстить врагам поклялись,
И ждут их жаркие бои.

март 2005 г.

Лобова Валентина Викентьевна

Родилась в 1937 г. в с. Ильинское Пермской области. С детства мечтала быть учителем, любовь к литературе привила мама. Она изумительно читала и рассказывала.

В 1966 г. окончила Свердловский государственный университет им. Горького. С 1962 г. работает в школе. В настоящее время работает учителем русского языка и литературы в школе № 14 г. Сысерти.

Рассказы

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Я вглядываюсь в лица святых на иконах: сколько скорби, благородства и человеческого достоинства заключено в них. Мне кажется, что это святые лица женщин военных лет, наших мам...

...Я листаю страницы памяти и оказываюсь там, в далеком своем военном детстве...

Слышу, как скрипнула дверь. В дом входит почтальонка тетя Тоня. У нее огромная сумка с ремнем через плечо. В ней - вести с войны, дорогие сердцу письма - треугольники, из которых мы узнаем, как сражаются наши отцы. Мы пересказываем содержание писем своим друзьям, смеемся, радуемся и знаем, что война закончится, и вернутся наши отцы.

Но тетя Тоня сегодня прячет глаза и подает маме конверт... Нет, это не обычный треугольник. В дом пришла беда. Похоронка.

Мама бледнеет и оседает, бескровными губами шепчет: «Геройски погиб, защищая Москву...»

А вечером в наш дом одна за другой заходят соседки. Молчат, а по щекам бегут слезы... Я до сих пор вижу их печальные лица, лица скорбящих женщин, лица святых.

Только теперь понимаю величие умевших терпеть, страдать, любить, надеяться и верить. Они появились как-то незаметно в доме, где беда, сопереживали тихо, молчаливо, и человек понимал, что он в горе не одинок.

Я видела эти строгие святые лица и тогда, когда суровой зимой сорок третьего года брат потерял хлебные карточки. Он не хотел возвращаться домой, зная, что потеря карточек на хлеб - смерть, гибель всей семьи.

А нас было четверо: мама, мне тогда шел шестой год, брату восьмой и сестренке два года - она родилась в декабре сорок первого, в том же месяце, когда погиб отец.

И снова мы не одни. Плачет мама. Мы, обхватив ее, тоже беззвучно плачем, плачут женщины - соседки. И теперь я понимаю, что у женщин войны не было чужого горя, оно было одно, общее на всех.

Сгорбившись под тяжестью испытаний - а в это время они уже все были вдовами расходятся по домам, а мы остаемся.

Мама укладывает нас спать, и я слышу, как она плачет. Может тогда и рождалась в наших душах любовь к людям, маме, друг к другу...

Утром мы проснулись от радостного голоса мамы:

– Дети, мы спасены!

И я вижу в её руках кусок мяса. Мне тогда он показался очень большим и красивым.

Оказывается, когда мама встала утром и открыла дверь, на ручке висел этот самый кусок свинины. Кто подарил нам жизнь - мы не знаем до сих пор. Ведь кто - то отнял у своих детей, чтобы спасти нас.

Какой душевной щедростью обладал тот человек!

И мы снова плакали, но это уже были другие слезы.

И я на всю жизнь запомнила слова мамы:

– Это для нас урок доброты. Как бы ни сложилась ваша жизнь, всегда помните, что рядом есть люди, которым нужна помощь Благословенная рука дающего.

– И снова передо мной проходят лица женщин военных лет, прекрасные в своей доброте и величии. И мне кажется, что над головою каждый их них сияет ореол святости.

ХОЗЯИН

Как стремительно летит время! Попробуй догнать его? Мчится... и только, может быть, одной памяти дано вырвать, высветить эпизоды из прошлого, людей, ушедших от нас навсегда, события, связанные не только с твоей жизнью, но и с судьбой народа.

Кто пережил войну, то вряд ли забудет о тех испытаниях и лишениях, которые выпали на долю наших женщин и детей.

Мы рано становились взрослыми.

Папа, уходя на фронт в 41- м, наказывал шестилетнему сыну, что он остается в семье единственным мужчиной и должен заботиться о девочках. (Девочки - это я и мама).

Многие, наверное, улыбнутся. Не поверят, а может, представят себе вихрастого светленького парнишку, который и хлеб по карточкам выкупит (очереди были огромные), и воды принесет, и дров наколет, и печь истопит, и меня накормит, спать уложит и песню споет «Орленок» - любимую нашу песню.

Мама целыми днями на работе, придет и радуется, что все-то у нас в порядке. Посадит рядом, прижмет к себе и начнет читать. Как она читала!

А как ждали мы этих вечеров - великого общения родных душ, но это мы поняли позднее, когда мамы не стало, а тогда мы просто радовались.

А забот у брата прибавлялось: в сорок первом погиб отец и родилась сестренка. Декретных отпусков не было, и забота о малышке легла на нас.

Похоронку на отца положили в дальний ящик, чтобы не видеть. Мы представить не могли, чтобы он не вернулся, не пришел с той жуткой войны, ведь он так любил нас.

И мы ждали. Садясь за стол, чашку ставили и ложку клали - для отца.

Отгремела война... Солдаты возвращались домой, к семьям, начинали заново жить.

А мы ждали...

Осень 45-го была холодной, дожди зарядили, а мы с братом, прижавшись друг к другу, стояли у военкомата и через кисею дождя смотрели в ту сторону, куда ушел наш отец. Замерзшие возвращались домой, он помогал мне раздеться, обогрел мои заледеневшие руки, наливал кипятка в кружки, и мы пили прозрачный чай, а он тихонько рассказывал, что у Васьки, из-за реки, тоже похоронка приходила, а отец вернулся, совсем живой, только без ног.

И мы снова ждали...

В 13 лет брат работать пошел в аэропорт, самолеты ремонтировать. Как гордились мы своим маленьким мужичком, когда он возвращался домой весь чумазый, а когда принес первую получку, отдал маме и сказал:

– Купи себе платье, а то юбка-то скоро совсем износится, в чем тогда ходить будешь...

В глазах мамы блеснули слезы, и мы почувствовали, что в доме есть хозяин, который на свои хрупкие детские плечи взвалил непосильный груз мужских забот.

Не вернулся отец мертвые не возвращаются, давно уже нет нашей мамы. А брат – самый дорогой мне человек.

А рассказать мне об этом захотелось, чтобы люди ценили тепло родного очага и через годы могли сказать: «Спасибо, мама. Что ты смогла вырастить нас в любви и дружбе».

«Спасибо, брат, дорогой мой человек!».

А ДУШИ – ТО БЫВАЮТ РАЗНЫЕ

Я ехала в гости к сестре на Украину. Это было время мечты и надежд, когда молодежь отправлялась на комсомольские стройки, целину, когда верили, что построим Коммунизм, и жизнь будет счастливой и радостной.

Да она и была счастливой - ведь мы были молоды.

В вагоне собралось много молодежи, кто - то играл на гитаре, пели песни и просто болтали о влюбленности и любви, о книгах, о полетах в космос, где «на пыльных тропинках... останутся наши следы», считали главным не деньги, а горячее сердце и добрую отзывчивую душу. На боковом сиденье примостилась старая женщина, которая что - то перебирала в своих корзинах и, казалось, не слушала нас, но вдруг повернулась и заговорила:

– Вот вы тут о душе рассуждаете, а кто в нее заглянет, в душу-то. У одних, может, она и светлая, как зорька утренняя, а у других - черная грозовая туча.

Она вздохнула, поправила платок и, глядя куда - то вдаль, продолжала:

– Перед войной, лет за пять, в нашем селе появилась женщина с сыном, парнишкой лет двенадцати. Молодая, красивая, Ганной звали. Брови вразлет, глаза, словно черешня спелая, волосы черные с отливом, коса длинная, вокруг головы уложена.

Хату купила, хозяйством обзавелась, справно жить начала, хоть и мужика в доме не было. Соседи диву давались, как ладно все у неё получается. Близко она ни с кем не сходилась, так и жила сама собой, в душу ни к кому не лезла, да и свою не раскрывала.

Шло время, дети росли, а мы, глядя на них, вспоминали свою молодость. Да только недолго любовались мы на сынов своих. Война началась...

Всех мужиков забрали на фронт и сынов наших, сын Ганны вместе со всеми ушел.

Война была страшная, линия фронта рядом проходила, не разобрать, где свои, где враги. Хаты горели, люди гибли.

Сколько человек в жизни испытаний перенесет, одному Богу известно.

Она обвела нас своими блекло - голубыми глазами.

– Боялись вечером из хаты выйти. Только стали замечать соседки, что Ганна, подпоясав тулупчик веревкой, взяв топор, отправлялась в сторону.

– За дровами, – говорила коротко, сверкнув темными глазами.

Только позднее все открылось: ходила она на места, где бои проходили, с убитых вещи собирала да сапоги снимала с мертвых солдатских ног. Подползала по-змеиному к убитому, стягивала сапоги, а однажды не смогла снять: примерзли к ногам-то. Вытащила из-за пояса топор и отрубила вместе с ногами, сложила все в мешок, домой приволокла и бросила добычу к печке - пусть оттаивает. Сама на печь забралась, согрелась, уснула.

И снится ей сон...

Сын пришел с войны, сидит на лавке, около печи, слезы по лицу бегут и говорит тихо-тихо:

– Что же вы, мама, ноги-то мне отрубили? Как я жить-то теперь буду?

Соскочила Ганна, себя не помнит, бросилась к лавке: сына нет, а сапоги с отрубленными ногами стоят. По-звериному завывала, стянула сапог с мертвой ноги, а на ней родимое пятно, на том самом месте, где у её сыночка, было.

Побледнела Ганна, выскочила из хаты, волосы растрепанные. Дыбом стоят, белые-белые. Упала на колени на мерзлую землю, волосы на себе рвет, страшно кричит.

Сбежались соседи, поднимать бросились. Только встала она, повела мутными глазами, отвела женщин руками и, не видя людей, рванулась вперед, приговаривая: «Нет мне прощения ни на том, ни этом свете, всю жизнь богатство копила, думала сыночка счастливым сделать, никого не щадила, собственными руками дите свое убила».

Не успели бабы слова вымолвить, а она уже у проруби. Бросились останавливать, да только где там, прыгнула в воду и исчезла подо льдом. Не вынесла, видно, душа-то, – закончила бабка свой жуткий рассказ, натруженной, морщинистой рукой вытерла слезы и снова начала перебирать в своей корзине.

В вагоне установилась тишина, и нам больше не хотелось говорить ни о чем.

Лопаницына Ольга Михайловна

Родилась 1958 в г. Сысерти. До 1966 г. жила в Качканаре, затем вернулась обратно в Сысерть. В 1979 г. закончила Ирбитское педагогическое училище по специальности воспитатель детского сада. 20 лет педагогического стажа. В настоящее время работает воспитателем в дошкольном образовательном учреждении № 27 «Сказка» г. Сысерти.

Слава русскому солдату

Слава русского солдата
Не померкнет никогда,
В песнях наших и былинах
будет слышаться всегда.
Не забудется народу, как сил,
жизни не щадя,
Уходили бойцы наши бить
незванного врага.
Сберегли Отчизну нашу, наши села,
города.
Сталинградской битвы время помнит
мать-земля.
Шли в атаку те герои, думая о том,
чтоб не знали зла и горя люди в крае
своём родном,
Чтоб жилось им легко и свободно
На родной своей стороне,
Той, которую ценою жизни
отстоял солдат на войне.
Стойкость мужество, отвага,
присущие бойцам,
Помогли свершить победу
вопреки врагам.
Залпы тысячи орудий
в День Победы прозвучат,
В Москве пройдет традиционный
праздничный парад,

Слезу уронят ветераны,
вспомнив о друзьях,
Память вечную о павших
сохраним в сердцах.

...Мы подходим к обелиску
и кладем цветы, то, что сделали герои,
Помним я и ты.

Человек рождается на свет
Маленьким, беспомощным, глупышкой,
Мама с папой,

бабушка и дед радуются:

«Как прекрасен наш малыш!».
...Ласково щебечут птицы за окном.

Солнце светит новому творенью,
И сидит уже родня
за праздничным столом,

Отмечая год со дня его рожденья.
Дни проходят: учится, растёт,
В жизнь вступает взрослую, большую,
Много пред ним путей, дорог,
Выбрать бы одну, какую?
Это очень важно,

когда счастлив человек.

Если он достиг чего-то,
Любовь встретил,
И тогда Земля, весь мир вокруг
Вдруг становится красив и светел.
Он живет трудом своим:
Человек, творя и множа,
Он к большому подвигу готов.
Если потревожить мир
наш кто-то сможет.

Смотрим с гордостью ему в лицо,
Проходя по улице, увидев –
И уже свободно дышится, легко,
Зная: что бы ни случилось, он увидит.
Пусть над нами будет небо голубеть,
Пусть детишки также задают вопросы,
Защитит, закроет грудью он
Родину свою, как легендарный
Александр Матросов.

Сердце трепетно забилося в груди,
Нежность, гордость, все сплелось воедино:
Как прекрасна Русь,
Взрастившая таких сынов,
С ними мы сильны, непобедимы.

Машковцев Александр Александрович

Родился в октябре 1945 года в г. Верхняя Пышма. После школы окончил техникум питания. Каждое лето уезжал работать в загородные лагеря.

В 1995 году окончил УрГПУ по специальности «педагог-эколог». С 1993 года переехал в г. Сысерть, и работает в Центре внешкольной работы. Вместе с ребятами создал дендропитомник, изучил реку Сысерть с ее притоками. Принимает участие в областных, региональных и Всероссийских мероприятиях экологического характера.

Отрывки из повести «Ветки черемухи»

Алексей сидел тихо и не мешал выговориться этой женщине, когда она найдет такого собеседника, которому отважится все рассказать, все свое горе и счастье. Не каждому доверяют бабы свое затаенное, запрятанное где-то далеко и не всегда там спокойно сидящее.

– За своего я вышла, двадцати мне не было. Три года прожили душа в душу. Потом ребеночка запросил, у всех уже бегали, а мы что хуже всех. Сколько денег я перетаскала бабкам и в церковь, да все видать бесполезно. Запил смотрю, он у меня, бить не бил, а как напьется, ревет, как белуга. Потом пить перестал, домой стал приходить поздно, и все говорит, что тебя не брошу. А однажды и проболтался, что, мол, ходит одна на сносях от него, ты извини помогать буду, а от тебя не уйду. Так и прожили до самой войны. Девчонка родилась, в честь меня назвал Евдокией. Фамилию дал свою и отчество. Вот и вышло две Евдокии Семеновны Селезневы. Одна большая, другая малая. Раз обещал помогать, то помогал с каждой получки. И я помогала, то пеленки из его рубашек наделаешь, то продуктов соберешь, долго не засиживался, отдаст и обратно. Поначалу ревновала, потом поняла, сама виновата, смоковница бесплодная. Война развела все дорожки, мово в первый день на фронт определили, а она к родителям в деревню подалась. За всю войну два раза увидеть пришлось. Нас по осени в эту деревню картошку убирать гоняли. Смотрю, Дуськина мать идет и ее на руках несет. А на второй год, мы напротив их дома стояли, уходили рано, приходили поздно, но и за это время видела ее раза два. Смотрю на Дуську, и своего вспоминаю. Уж как похожи были, что две капли воды, даже легче порой становилось. В сорок пятом пришло письмо, подчерк не его, письмо держу в руках, а открывать боюсь. До вечера досидела,

шторки задернула, налила стакан полный, пригубила, открыла конверт, читаю. В госпитале он находится. Слава богу, думаю живой. Добралась я до Челябинска, нашла госпиталь, а меня главный врач к себе зовет. Ну думаю, еще что-то не ладно. А он спокойно усадил меня и говорит, что граната возле его ног взорвалась, жизнь спасли, а вот ноги нет, да еще на левой руке один палец остался. Доктор достал пачку Беломора, размял папиросу, затянулся, выпустил кольцо дыма и продолжил: «Я в это время документы готовил для отправления в тыл. Выхожу из двора на улицу, смотрю, стоит малец, форма на нем фашистская, выдернул кольцо из гранаты и онемел. Твой подскочил, уронил мальчика, та и взорвалась. Парня спас, а сам... Дотащил я его до вагона и до Челябинска не отходил от него. Нас в Челябинске расселяли в школе, что ни класс, то палата». Долго молчал, как о детях заговорили, адрес твой дал.

Семеновна пошарилась под столом достала банку с очередным компотом, налила Алексею, потом себе граненый стакан, опрокинула его и продолжила дольше.

– Забрала я его и ни у него слезинки, ни у меня. Сели в поезд, я его у себя на коленях держу, так и доехали. Не сразу пришел в себя, пенсию оформили, чувствую, опять заскучал. А однажды говорит: «Евдокия, достань из сарая мой чемодан с инструментами, хватит без дела сидеть». Хоть на левой руке один палец, а приспособился. Первое время руки в кровь натирал, зубами скрипел, а делал. Денег не просил, сколько дадут и то ладно. Война она всех бедными сделала. А какие деньги у бедняков, что дадут, тому и рады. Вскоре и его Дуська появилась, мать ее из деревни привезла, шустрая такая, бегают по двору, а он работу бросит и смотрит на нее. Одно себе простить не могу, домой ни разу ни привела. Может, и сдружились бы, так нет – бабья ревность. Он на дому чеботарит, да пенсия. Я в садик нянечкой устроилась. Своих нет, дак хоть с чужими навожусь. Вот так и жили. Потом курсы воспитателей закончила, полегче стало. Дуська в техникум поступила, а там, у них в техникуме, каждое лето практика полевая, жили в палатках, все камни какие-то искали, вот и она нашла. Не успели оглянуться, как наша Дуська заневестилась, с парнем закрутила, свадьба веселая была. Мой всю работу забросил, так три дня и просидел у окна. Заскучал, и внучки не дождался. Дуся вместе с мужем неделями работали, я Юльку то домой и начала брать. Мать

Евдокии недолго моего пережила. Даже могилки недалеко друг от друга. А я Юльку своей считаю, только она не знает ничего.

... Не заметили, как появился дядя Миша со своей кружкой...

– Можно я закурю? – произнес он голосом провинившегося школьника, и, не дождавшись ответа, достал кисет и газету. Прикуривал от костра и при этом добавил:

– Сидя у огня, спичками прикуривать большой грех, – и немного помолчав, добавил:

– У меня сегодня второй день рождения...

Ребята притихли. Видя, что мальчишки замолчали, продолжил дальше:

– Летом это было. Вот также ночь светлая, и луна, как фонарь, на нас светит. Да немцы ракеты пускают, а курить охота, вот тут хоть умри. Слышу, ползут двое, говорят не по-русски, но и не так как немцы болтают. Болото, кочки кругом, а спрятаться некуда, с одной стороны немцы вслепую лупят, с другой стороны наши постреливают. Замечаю, что ползут они, как-то не по прямой, а куролесят, зигзагами значит. Дошло до меня, что немцы мин понаставили. – Все думаю, хана мне. Лежу, и про курево забыл. Подползли они, совсем рядом, а тут наши лупить начали. Слышу, ногу мне обожгло, а один носом – плюх в воду и лежит.

«Ага» - про себя думаю, – «не жилец». Второй пополз, а этот лежит, залез я под него и ползу вместе с ним. Доползли до края болота, перекрестился я, и второго так окрестил, что он сразу обмяк и не шевелится. Связал я его, и только потом увидел их сапога кровь идет. Обыскал обоих, оружие убрал, растряс живого, а он мычит, и понять ничего не может. Руки-то у него связаны, помог встать ему и на него же опираясь, дошел до своих. Его допросили и отправили в штаб, а меня в санбат. Три недели отвалился и вернулся в роту свою. Ребята потом рассказывали, что на том румыне, что я принес, двенадцать ран насчитали. Сколько мне предназначалось, одному богу известно.

Дядя Миша помолчал, потом улыбнулся, сказал спасибо за чай, за конфеты и так же тихо ушел, растворившись в темноте...

**Павленко
Елена Владимировна**

Родилась в 1967 г. в г. Сысерти. Училась в 23 школе, где классным руководителем была – Лобова В.В. Любила такие предметы, как литература, русский, музыка. После школы поступила в музыкально-педагогическое училище в г. Свердловске. В данное время работает в общеобразовательном учреждении № 14. С удовольствием пишет стихи к знаменательным датам, мероприятиям в школе, просто к урокам, хотя и работает учителем музыки.

Был дед у меня

Ведь вроде бы все, как всегда
Уж столько годов пролетело
Когда отгремела война,
Но память стереть не успела,
Что дед мой страну защищал,
С раненьями в дом он вернулся
И только добра всем желал,
Работал, в себе не замкнулся.
По праздникам песни любил
Ему их играла и пела,
А он улыбался, шутил
Слеза с глаз тихонько слетела
Сейчас нету деда со мной,

Но помню его, как живого,
С угрюмой седой бородой.
Любимее нету такого...
Смешно и грешно вспоминать:
В руках я держала медали,
Не зная ребенком того,
За что же их дедушке дали.
Ругал меня дед, говорил,
Что те побрякушки цветные
Он жизнью своей заслужил.
Они для него – золотые.
Всю жизнь дед по-честному жил
И даже сейчас люди вспомнят,
Что денег чужих не скопил,
А дом был гостей всегда полон.
Весной, говорят, легче жить
И воздух, и солнце ласкает,
Но раны у наших дедов
С великим трудом зарастают
Не дожил наш дед до весны,
Когда ордена и медали,
Оставшиеся от войны
Деды-старики надевают.
Так горько становится мне,
Что нет больше дедушки с нами,
А правнуки все по весне
Идут на могилу с цветами...

Скворцов Владислав Павлович

Родился в июле 1939 года в г. Н. Тагил. Отец военный (капитан) погиб в декабре 43 года. Мать умерла в 1948 году, воспитывала бабушка. Окончил в 1959 г. горно-металлургический техникум, работал на шахте проходчиком.

За три года в 1965 г. экстерном закончил пединститут в Н. Тагиле (филологический факультет, отделение иностранных языков).

В 1987 г. приехал в п. Бобровский, где работал 12 лет директором школы. В настоящее время – учитель немецкого языка.

Улица детства

Есть у каждого улица детства,
И хоть сколько потом ни взрослей
Хоть умри, никуда не деться
От разлива ее тополей.

Поколение новых мальчишек
В старом парке гоняет мячи
Я пришел к тебе, улица, слышишь?
Ну, ответь что-нибудь, не молчи!

Подошел к уцелевшему дому
Вот он, старый знакомый - фонарь,
Все похоже, но все по-другому,
Лишь брусчатка осталась, как встарь.

Помнишь улица, пыльные танки
Шли к вокзалу всю ночь до утра –
Их увидев в окно спозаранку,
Мы впадали в панический страх.

Вести с фронта, как страшную сказку,

Под метельный мы слушали свист,
А потом в ненавистную каску
Мы справляли нужду – на, фашист!

Все отцы воевали на фронте,
А мальчишки играли в войну,
Были дерзкими – только троньте!
Ждали писем и ждали весну.

И казалась война бесконечной,
Годы падали камнем в обрыв –
Помню, таяла мама, как свечка,
Беспощадный конверт получив.

Ивы грустные свесили кроны
Словно в трауре, в струи реки
У мальчишек свои законы,
Я не плакал. Я сжал кулаки.

Не грустить же нам, улица, вечно,
Только в памяти все сбереги –
Не позволю, чтоб улицу детства
Вновь топтали войны сапоги.
1965 г.

Мне снится детство

Мне снится детство,
Как сквозная рана,
И чувство то
По-прежнему остро,
Я слышу снова
Голос Левитана,
Скупые сводки
Совинформбюро.

Терзает душу
Черная тарелка,
И вести в ней –
Одна другой черней.
Мерцает в кухне
Тусклая горелка,
Закреты плотно
Шторы на окне.

Я слышу гул
Зловещих «мессершмитов»
И бомб,
На крышу падающих, вой –
Нет, ничего

Из детства не забыто,
За это я
Ручаюсь головой.

Как хорошо,
Что это только снится,
И что кошмар
Остался позади
К параду вновь
Готовится столица
И у бойцов
Награды на груди.

Он жив еще,
Простой советский воин,
Пройдет в строю
Усталый ветеран –
Он не таких
Наград еще достоин,
За то, что спас
Народы многих стран.

Пусть не пером,
И пусть не на бумаге
Он подписал
Фашизму приговор,
Его автограф
Выбит на рейхстаге,
Он победитель
С тех далеких пор.

Я повторять,
Как песню, не устану
Слова любви,
Признания слова –
Вернем же долг
Героям - ветеранам,
Пока еще
Их гвардия жива.

2005 г.

Память детства

Волнующий праздник
Девятое мая,
И нашей победе
Уже шестьдесят,
А я, всю торжественность дня
Понимая,

Грущу, что отец
Не наденет наград.

Наверное, хватит
Той грусти бездонной,
Ведь в сердце моем
Он по - прежнему жив,
А я вспоминаю,
Как плакали жены,
Печальную весть
О мужьях получив.

И было обидно
Мальчишкам до боли,
Когда возвращались
В погонах врали,
А следом за ними
Вагоны, вагоны
Красивые тряпки
Их женам везли.

Не знаю,
Осмыслить такое я мог ли,
Но видеть не мог
Я без злости и слез,
Как хвастался Петька
Фашистским биноклем,
Что папа его уцелевший
Привез.

А папа бренчал
На трофейном рояле
Какой - то мотивчик
Надрывно - блатной
О том, как отчаянно
Кровь проливали
Такие, как он,
Вороватый штабной.

Но Петька расстался
С улыбкою гордой,
Когда, я не вытерпев,
Сжал кулаки –
Он к маме помчался
С разбитою мордой,
А мама кричала:
«Поймаю, щенки!».

Но мы уважали
Таких, как Серегин,
Пропахший солдатской
Махоркой отец.
Вернувшийся с фронта
Больным и безногим,
Он был властелином
Ребятчих сердец.

Зачем-то надев
Ради праздника галстук,
Сжимая в руке,
Как гранату, бокал,
Он все о войне
Рассказать нам пытался,
Но вдруг,
От нахлынувших слез замолкал.

Он все говорил:
«Соберусь и поеду,
Туда, где друзей
Стережет тишина».
Такие, как он,
Приближали победу,
Они заслужили свои ордена.

Сегодня их нет
Ни того, ни другого,
Но мне улыбнулся
Седой ветеран.
Он очень похож был
На Павла Скворцова,
И, кажется, тоже
Он был капитан.

Как жаль, что осталось
Бойцов этих мало –
Ведь это они
Сберегли нам страну.
Судьба их жестоко
Трясла и ломала,
Но ветер эпохи
Их спин не согнул.

От этой улыбки
Теплее мне сразу,
И небо синее
В ветвях тополей.
Девятое мая –
Волнующий праздник,
Идут ветераны
Встречать юбилей.

2005 г.

Содержание:

Аземша А.А.	1
Корешков К.А.	5
Бегунова М.Ю.	9
Гусева Н.Н.	12
Косилова Т.И.	15
Красноперова К.Е.	16
Лобов А.Н.	18
Лобова В.В.	20
Лопаницына О.М.	24
Машковцев А.А.	25
Павленко Е.В.	28
Пирожкова Л.Н.	29
Скворцов В.П.	30

Составитель: Пыжьянова Т.Т.

Редактор: Лобова В.В.

Компьютерный набор: Аверкиева Л.А.